

Мы вышли из лета

Алина Туртыгина

Алина Туртыгина

Мы вышли из лета

<https://litres.ru/74196183>

SelfPub; 2026

Аннотация

Почему мои мечты не сбываются?

Где-то между детскими дворами и взрослыми решениями я что-то потеряла, а что-то приобрела, а что-то упускаю до сих пор.

Эта книга — путешествие по воспоминаниям, где каждая история – это понять себя сегодня. Здесь есть обычное детство в нулевые в Москве - дворы, компашки, сотки, плееры, игры, обиды, разборки и сухарики.

Получится ли у автора разобраться, хороший вопрос, но прогулка точно случится.

Алина Туртыгина

Мы вышли из лета

Глава 1

Посвящается всем, кто столкнулся с:

Родители у вас всегда виноваты.

Не было такого!

А знаешь, как нам было тяжело.

Привет, знакомо?

Мне да. И теперь перед приемом у психолога, я составляю списки обид. Да, я взрослая тетя с двумя красными дипломами, четырнадцатилетней преподавательской практикой, кучей интересов и хобби, не знаю куда живу, и, по мнению большинства, только и делаю, что ною и ищу проблем. Вместо того, чтобы «вот взять и сделать».

Сделать еще что-нибудь удобное для других, конечно.

Мое поколение научилось искать проблемы в себе с детства. Не получилось? Виноват. Получилось? Виноват, что плохо получилось. Попробовал, сломал? Виноват, не можешь с первого раза. Не пробуешь, не делаешь, ничем не интересуешься? Виноват, бесхарактерный, на мамкиной шее будешь сидеть.

Да, кто тебя замуж возьмет.

Вот поэтому я составляю список. Список не орет на меня. И все мои страхи, одиночества, отчаяния не слишком отличаются от списка покупок.

Молоко 3,2%, кефир 1%, творог – какой будет.

Я чувствую, что живу не свою жизнь.

Жидкость для линз.

Мне одиноко, не только вечером и не только тогда, когда я одна. В компании еще хуже.

Колготки 40 ден, черн.

Я не знаю, чем я хочу заниматься.

Соль!! Туалетка.

Убраться в шкафу.

В целом. Неплохо. Начну с уборки.

Я читала статью, что люди, которые постоянно убираются – это люди с тревожным расстройством. Все верно. Я решила начать с мелочевки: ремней, шнурков, доисторических купальников, каких-то пуговиц от одежды, которой уже нет и той самой коробки, в которую я складывала воспоминания:

Игрушка бабушки, которая умерла, когда мне было пять. Яркая желтая собака, похожая на Гуфи.

Значок, с олимпийским мишкой папы, потому что это папино, а я его люблю.

Сердечко от молнии с маминой кофты, потому что это мамино, а я ее люблю.

А еще резинка для волос в виде цветочка. Краска на его

лепестках уже сильно потерялась, а сама резинка растянулась. Мне ее подарила школьная подруга, у которой была такая же.

А еще пулька! Осталась одна. Я помню, как родители в нашем дворе строго настроено запрещали играть с пистолетами с пульками. «Попадет, без глаза останешься», говорила мама. А я повторяла за ней. Но пульки с асфальта мы собирали, просто прикольно. Если кто-то заходил во двор с таким пистолетом, он тут же становился в почете.

В то время мы все собирались напротив соседнего дома, у него не было толком двора. Через дорогу от него протянулись несколько полянок, посередине был куст шиповника. Это важно. Это центр. Еще на небольшой поляне была песочница и скамейки, там играли в основном совсем малыши, а мы лишний раз там не светились. Под надзором родителей и не поплывешься, и не подерешься.

О, забыла сказать, по левую руку шел тот самый серый бетонный забор ограждавший бункер периода начала двадцатого века с зомби, кладом, захоронениями и еще чем придумаете.

Эти дни детства были лучшими – мы смеялись, ругались, мирились, придумывали новые игры; взрослые собирались на одних скамейках и покупали что-нибудь вкусное, все культурно. Иногда что-нибудь перепадало и нам.

А на других скамейках собирались местные бабушки, которые тоже за нами следили, а еще ругали тех, кто лез на деревья.

– А ну слезай!

– Почему?!

– Дерево испортишь!

Я только недавно поняла, что дело было не в деревьях.

На обед мы с бабушкой шли есть суп, обязательно, и второе. Каждый раз я его спрашивала, а будет ли что-нибудь вкусное попить на обед. И каждый раз бабушка говорил, да, конечно. И каждый раз я думала, что будет сок.

А это был чайный гриб. Если бы мне в том возрасте сказали, назвать пять стадий принятия по Кюблер-Росс, я бы это смогла без запинки, не зная, конечно, что такое кюблерос, – гнев, отрицание, депрессия, торг, принятие, которые работают в разном порядке. Я приходила к принятию, пока гриб не начинал неистово расти.

И пока я не потыкала в него пальцем.

Послеобеденного сна у меня никогда не было, я либо играла в дэнди, либо в шашки с бабушкой, либо просто слонялась по квартире и ныла, что хочу гулять. Один раз он так замучался, что мы пошли, но тут же вернулись, потому что ушли в тапочках. Оглядываясь назад, я снимаю шляпу перед бабушкой, мы гуляли в среднем по восемь часов в день. Сейчас я гуляю так одна.

После четырех собиралось еще больше детей, многие из них не гуляли утром, и начиналось самое веселое время.

В кустах мы собирались и «строили» настоящую базу, таскали мусор от бетонного забора, копали, укрепляли, делали

комнаты. А после наступил пир на весь мир. Мы закупились в палатке около универсама, принесли Читос, Три корочки, колу, мороженое, мармеладки и еще кучу всякой всячины.

Пир состоялся на славу, классный день заканчивался, мы были классные тоже, и даже был один пистолет с пулями.

А на следующий день мы нашли там бомжа. Мы, конечно, обиделись, но ненадолго. Когда он ушел, выкинули настил и привели все в порядок. Правда, уже там не играли.

Снова наступило время игр.

А в один день прибежал один из наших бандитов с криком:

– В соседнем дворе ночью подожгли машину!

И что началось! Мы все подорвались с места, куклы полетели в воздух, сотки остались разброшенными на земле, мы все окружили смутяна.

– А как?! А что?! Полностью?! ТЫ ВИДЕЛ?

– Не видел, но дедушка рассказал, что ночью подожгли и к утру вся и сгорела. Черная вся, ни осталось ничего, одни дырки вместо окон.

– И что никто не знает, как и почему?

– Никто не видел.

А я стою и думаю, а зачем кому—то поджигать машину, это же Машина! Она жутко дорогая, у нас такой никогда не было.

На нашей маленькой улочке машины проезжали не часто, и мы всегда играли в «какая машина проедет». Обычно, в

такой игре загадывают марку или цвет, а мы загадывали, пойдет она слева или справа.

И вот кто-то взял и поджег ЧУЖУЮ! машину. Мне стало очень-очень грустно. Ведь владелец сейчас, скорее всего, сидит дома, держится за голову, и считает монетки, которых не хватает на новую машину. А рядом охает и ахает его жена и голодные дети и тоже все держатся за голову.

– Да, он точно дорогу перешел кому-то!

– Или украл что-то!

А, ну ладно.

И мы уже переключаемся на наши, знакомщеские игры и снова куда-то бежим.

Это была не первая, но последняя машина на моей памяти.

Мой район знал и не такое. Мы видели многое, хоть и понимали не все.

Мой район с самыми красивыми названиями улиц тихая Утренняя, действительно Зеленый проспект, родная Братская. С каштанами, тополями, дубами и елями, пяти- и девятиэтажками, парками, прудами и огромной промзоной, с которой нет, нет, да несся химический запах.

И мы, которые терялись, находились, хвастались и делились, покупали «Все звезды», бежали вечером смотреть «Зачарованных», «Зену» и «Геракла», чтобы на следующий день обсудить все и всех, ведь это такие новости! И ни в коем случае нельзя было пропустить серию – потому что это

НАВСЕГДА!

Тогда мы жили одним днем, а надвигающаяся стройка из-за молчаливого забора казалась далекой. Мы еще не знали, что тень уже была отброшена на наши полянки.

Тогда мы были из Перово, а не из Перова.

Нам по восемь лет.

Впереди три месяца лета.

Закончился прошлый век.

Начались нулевые.